УДК 891.714(092) **М. Ф. Гетманец**

ОБ ОДНОМ ФАКТЕ БИОГРАФИИ КОНСТАНТИНА СИМОНОВА
(К 100-летию со дня рождения писателя)

М. Ф. ГЕТМАНЕЦЬ. ПРО ОДИН ФАКТ БІОГРАФІЇ КОСТЯНТИНА СИМОНОВА

У статті висвітлюється на основі особистих спогадів маловідомий факт біографії Костянтина Михайловича Симонова, що має важливе значення для розуміння не тільки особистості поета, а й політичної ситуації в суспільстві, що склалася після 20-го з'їзду КПРС. Як відомо, на з'їзді вперше після трьох десятиліть обожнення Сталіна з гострою критикою його виступив М. С. Хрущов. Його доповідь потрясла всі верстви радянського суспільства і посіяла сум'яття в рядах творчої інтелігенції, яка свідомо чи несвідомо протягом багатьох років створювала культ вождя. Болісно переживав те, що відбувалося, і Костянтин Симонов, який, з одного боку, як чесна і щира людина вірив у ідеали партії та глибоко поважав Сталіна, а з іншого боку, приголомшений відкритою правдою злодіянь, що творилися, не міг в один момент перебудувати свої політичні позиції. Його син Олексій Кирилович у своїх спогадах справедливо писав про те, що «батько болісно звільнявся від Сталіна в собі». Тим часом саме Костянтин Симонов з'явився першим, хто взяв під сумнів політику партії в галузі літератури і мистецтва, піддавши публічній критиці сумнозвісні постанови ЦК 1946-48 років з питань ідеології. Це сталося на всесоюзній нараді завідувачів кафедр літератури університетів та педагогічних інститутів в жовтні 1956 року. Критику підхопили представники різних республік, які наводили безліч прикладів партійного тиску на літературу, що не могло не налякати ЦК. Незабаром в усі партійні організації було направлено закритий лист ЦК, в якому різко засуджувалися настрої учасників наради як антирадянські та анархо-ревізіоністські. Автор статті, який був присутній на конференції і слухав виступи Симонова та інших письменників, характеризує позицію Симонова і передає настрої літературознавців країни, солідарних з письменником. Після цих подій Симонов, кандидат в члени ЦК, який користувався великим авторитетом у Хрущова і не раз виконував за його дорученням сумнівні ідеологічні акції, поступово втрачав довіру, а в 1958 році був направлений в Середньоазійські республіки як спеціальний кореспондент газети «Правда», де пробув до 1960 року.

Ключові слова: культ Сталіна, нарада завідуючих кафедр літератури, виступ Симонова, критика політики комуністичної партії.

М. Ф. ГЕТМАНЕЦ. ОДИН ФАКТ ИЗ БИОГРАФИИ КОНСТАНТИНА СИМОНОВА

В статье освещается на основе личных воспоминаний малоизвестный факт биографии Константина Михайловича Симонова, имеющий важное значение для понимания не только личности поэта, но и политической ситуации в обществе, сложившейся после 20-го съезда КПСС. Как известно, на съезде впервые после трёх десятилетий обожествления Сталина с острой критикой его выступил Н. С. Хрущёв. Его доклад потряс все слои советского общества и посеял смятение в рядах творческой интеллигенции, которая осознанно или неосознанно в течение многих лет создавала культ вождя. Мучительно переживал происходящее и Константин Симонов, который, с одной стороны, как честный и искренний человек верил в идеалы партии и глубоко уважал Сталина, а с другой стороны, потрясённый открытой правдой творимых злодеяний, не мог в один момент перестроить свои политические позиции. Его сын Алексей Кириллович в своих воспоминаниях справедливо писал о том, что «отец мучительно освобождался от Сталина в себе». Между тем именно Константин Симонов явился первым, кто взял под сомнение политику партии в области литературы и искусства, подвергнув публичной критике печально знаменитые постановления ЦК 1946-48 годов по вопросам идеологии. Это произошло на всесоюзном совещании заведующих кафедрами литературы университетов и педагогических институтов в октябре 1956 года. Критику подхватили представители разных республик, приводившие множество примеров партийного давления на литературу, что не могло не напугать ЦК. Вскоре во все партийные организации было направлено закрытое письмо ЦК, в котором резко осуждались настроения участников совещания, требовавших свободы творчества, как анархо-ревизионистские. Автор

© М.Ф. Гетманец, 2014

статьи, присутствовавший на конференции, слушавший выступления Симонова и других писателей, характеризует позицию Симонова и передаёт настроение литературоведов страны, солидарных с писателем. После этих событий Симонов, кандидат в члены ЦК, пользовавшийся большим авторитетом у Хрущёва и не раз выполнявший по его поручению сомнительные идеологические акции, постепенно терял доверие, а в 1958 году был направлен в Среднеазиатские республики в качестве специального корреспондента газеты «Правда», где пробыл до 1960 года.

Ключевые слова: культ Сталина, совещание заведующих кафедрами литературы, выступление Симонова, критика политики коммунистической партии.

M. F. GETMANETS. ABOUT ONE FACT FROM THE BIOGRAPHY OF KONSTANTIN SIMONOV

The article highlights on the basis of personal memories a little-known fact of biography by Konstantin Simonov, which is important for understanding not only the personality of the poet, but the political situation in a society that has developed after the 20th Congress KPSS. As you know, the Congress for the first time after three decades of deification of Stalin sharply criticized by N.S.Hruschov. His report shocked all strata of Soviet society and sowed confusion among the creative intelligentsia, which consciously or unconsciously for many years to create a cult leader. Painfully experienced event and Konstantin Simonov, who, on the one hand, as an honest and sincere person believed in the ideals of the party and deeply respected Stalin, on the other hand, shaken open truth perpetrated atrocities could not at one time to restructure their political positions. His son Alex K. in his memoirs rightly wrote that "father painfully freed from Stalin himself." Meanwhile, it is Konstantin Simonov was the first who took into question the policy of the party in the field of literature and art, exposing the public criticism of the infamous decree of the Central Committee's 1946-48 on ideology. It happened at the All-Union Conference of heads of departments of literature universities and pedagogical institutes in October 1956. Criticism was picked up by representatives of the various republics, a lot of examples of party pressure on the literature that could not scare the Central Committee. Soon all the party organizations were sent a secret letter from the Central Committee, in which he sharply condemned the mood of the meeting, demanding the freedom of creativity, as anarcho-revisionist. The author, who was present at the conference, Simon listened to the speeches, and other writers, describes the position of Simon and conveys the mood of the country in literature, in solidarity with him. After these events, Simonov, a candidate member of the Central Committee, who enjoyed great prestige among Khrushchev and not just carrying on his behalf dubious ideological campaign, gradually lost confidence, and in 1958 was sent to the Central Asian republics as a special correspondent of the newspaper "Pravda", where he stayed until 1960.

Keywords: cult of Stalin, conference of heads of departments of literature, Simonov's speech, criticism of the Communist Party.

В газете «Факты» от 30 августа 2014 года опубликовано интервью с сыном Константина Симонова Алексеем, в котором раскрыты некоторые малоизвестные факты жизни и черты личности выдающегося писателя. Но есть в нём одна если не неточность, то неполнота освещения позиции Симонова в критический исторический момент развенчания культа Сталина. «В 1953 году, сразу после смерти Сталина, – пишет он, – папа написал статью в «Литературной газете», редактором которой был, о том, что главной задачей советской литературы становится сохранить выдающийся образ вождя. Кстати, сразу после публикации, по настоянию Никиты Хрущёва, он был смещён с должности главного редактора. Отец мучительно освобождался от Сталина в себе». Вряд ли эта статья была поводом для освобождения Симонова от должности главного редактора газеты, так как весь 1953-й (да и 1954-й) год проходил в атмосфере массовой скорби по Сталину, а статья Симонова не содержала ничего одиозного. Подобное настроение характеризовало,– поверьте мне как современнику этих событий, – всё общество и самые верхние эшелоны партии. Скорее всего, Симонов сам отпросился, так как был крайне перегружен: одновременно он был заместителем председателя правления Союза советских писателей, членом многочисленных комиссий, депутатом Верховного Совета СССР, кандидатом в члены ЦК КПСС и неистово трудился как писатель, стремясь по свежим следам запечатлеть события Великой Отечественной войны. О доверительном отношении к нему Хрущёва говорит тот факт, что почти в это же время ЦК учинил разнос редакции журнала «Новый мир» и новым его главным редактором назначил Симонова (август 1954 года). В немилость к нему писатель попал позже, в 1956-ом году, в разгар «хрущёвской оттепели». В это

время произошло одно знаковое событие, о котором Алексей Кириллович мог не знать.

Перелом в настроении народа и партии по отношению к Сталину произошёл, как известно, после 20-го съезда КПСС. Народ постигло глубочайшее разочарование, впервые прорвалось критическое отношение не только к вождю, но и к партии. «А где вы были, когда творились такие злодеяния?» – если так не говорили вслух, то так думали многие. Помню, в Харькове, в заводском районе, стояла огромная скульптура Сталина. Однажды возле неё неожиданно остановился трамвай, в котором я ехал на работу. Причиной остановки была толпа вокруг скульптуры, наблюдавшая, как мужчина, с виду типичный рабочий, приставив высокую лестницу, молотом крушит вождя. Вскоре приехала милиция, стащила его с лестницы, затолкала в машину и увезла. Через какое-то время городские власти скульптуру тихо снесли, и горожане о ней забыли. Вот такое было настроение в народе после разоблачительной речи Хрущёва. Наступило массовое разочарование и шатание в умах, усилились критические настроения особенно среди интеллигенции. Центральный комитет партии явно напугало такое состояние общества, и он начал принимать соответствующие меры. Под огнём партийной критики оказались газеты, журналы, писатели, философы, литературные критики, конкретные произведения и театральные спектакли. Острая дискуссия развернулась вокруг романа В. Дудинцева «Не хлебом единым».

На этом фоне 25-30 октября 1956 года в Московском университете проходило общесоюзное совещание заведующих кафедрами литературы университетов и педагогических институтов по вопросу преподавания советской литературы в свете решений 20-го съезда КПСС. Докладчиком был заведующий кафедрой советской литературы МГУ проф. А. И. Метченко. В президиуме сидели представитель ЦК не первой величины, московские учёные, а также писатели К. Симонов, В. Каверин и В. Дудинцев. Докладчик резко осудил культ личности Сталина и негативную роль советской литературы в его утверждении в сознании общества. Выступавшие называли имена писателей и произведения, в которых преувеличивалась роль Сталина и искажалась историческая правда. Нелестно отзывались и о чрезмерно верноподданническом стихотворении Симонова «Суровая годовщина», которое начинается такими словами:

Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас?
Ты должен слышать нас, мы это знаем.
Не мать, не сына – в этот грозный час
Тебя мы самым первым вспоминаем.

Некоторые говорили о культе Ленина, о неправильном изображении роли партии в жизни общества, о культе Горького, якобы направившего развитие советской литературы по ложному пути. Многие брали под сомнение социалистический реализм, который ещё на первом съезде советских писателей в 1934 году был провозглашён основным творческим методом советской литературы. Ораторы фактически требовали свободы творчества. Запомнилось эмоциональное выступление профессора Азербайджанского университета, возражавшего против монополии социалистического реализма и закончившего свою речь пламенной здравицей: «Да здравствует социалистический реализм! Да здравствует романтизм! Да здравствует критический реализм!». Белорусский академик возражал тем, кто в кампанию критики культа личности Сталина включил Горького и свою несколько примитивную речь закончил словами: «Горький – это не просто эпоха, а эпоха с усами». Это вызвало смех в зале.

На страницах газет и журналов в это время горячо обсуждался появившийся в печати роман малоизвестного писателя Владимира Дудинцева «Не хлебом единым», в котором рассказывалось о мытарствах талантливого изобретателя-самоучки, который не может провести важное изобретение через бюрократические рогатки, существующие в научных и государственных учреждениях. Партийная критика осудила роман как клевету на советскую действительность, но массовый читатель увидел в нём горькую правду. Отдельные ораторы коснулись и этого вопроса. Речь зашла о тенденциозности партийной критики, неспособной объективно оценивать произведения литературы. Атмосфера конференции была накалена, и все ожидали выступлений писателей.

Первым выступил Константин Симонов, который осудил культ личности Сталина, но в отличие от многих писателей не отрёкся от своих произведений о Сталине, и сказал примерно следующее. «Одни писатели изымают произведения о Сталине из собрания своих сочинений, другие наспех заменяют Сталина на Ленина, а я этого делать не буду. Когда я писал стихотворение «Суровая годовщина» в декабре 1941 года, я так мыслил, так воспринимал личность Сталина, поэтому конъюнктурная переделка текста может исказить историческую правду». Однако особый интерес и, я бы сказал, даже оцепенение вызвали его критические суждения о постановлении ЦК КПСС 1946-го года «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Он сказал, что в этом постановлении и в докладе А. Жданова несправедливо осуждены талантливые русские писатели Анна Ахматова и Михаил Зощенко. Их творчество, по его словам, пользуется большой популярностью в народе, а в годы

Великой Отечественной войны они проявили себя настоящими патриотами, поэтому нельзя их вычёркивать из истории литературы. Вузовские курсы советской литературы, по его мнению, неоправданно перегружены, их следует пересмотреть и оставить в них творчество только действительно достойных писателей. Именно это выступление Симонова, а не его статья 1953 года в «Литературной газете», как показали дальнейшие события, вызвала крайнее раздражение Хрущёва. Публичная критика постановления ЦК была неслыханным делом и свидетельствовала о гражданском мужестве писателя.

После Симонова в такой же тональности выступил Вениамин Каверин, который взял под защиту Михаила Зощенко. По его словам, юмористический рассказ писателя «Приключение обезьяны», нехитрый сюжет которого состоял в том, что бежавшая из зоопарка обезьяна вызвала среди жителей города всеобщий ажиотаж, необоснованно охарактеризован в постановлении как глумление над советскими людьми, одержавшими великую победу в войне. По мнению Каверина, писатель подверг осмеянию не советских людей, а человеческую глупость. Он сообщил также интересные факты биографии Зощенко, характеризующие его как настоящего патриота: он был дважды ранен в Первую мировую войну и награждён за проявленное мужество Георгиевским крестом.

Владимир Дудинцев, которого партийная критика обвиняла в клевете на советскую действительность, рассказал об истории создания романа «Не хлебом единым», о прототипе своего героя и привёл целый ряд потрясающих фактов засилья консерваторов, тормозящих развитие науки и техники.

Совещание, в котором принимали участие представители всех регионов Советского Союза, вызвало большой резонанс в среде писателей и вузовской интеллигенции. Любопытен такой факт: когда я вернулся из Москвы и проинформировал членов кафедр литературы о совещании, о критике Симоновым постановления ЦК, то это было настоящей сенсацией, взбудоражившей коллектив. Меня расспрашивали коллеги о подробностях, просили выступить на кафедрах истории КПСС и философии. Некоторые не поверили и на партийном собрании обвинили меня в ревизии постановлений ЦК.

Московское совещание явилось главным поводом того, что в декабре 1956 года во все партийные организации Советского Союза было направлено грозное закрытое письмо ЦК под названием: «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». В нём, в частности, говорилось: «За последнее время среди отдельных работников литературы и искусства, сползающих с партийных позиций, политически незрелых и настроенных обывательски, появились попытки подвергнуть сомнению правильность линии партии в развитии советской литературы и искусства, отойти от принципов социалистического реализма на позиции безыдейного искусства, стали выдвигаться требования «освободить» литературу и искусство от партийного руководства, обеспечить «свободу творчества», понимаемую в буржуазно-анархистском, индивидуалистическом духе».

Это не могло не отразиться на дальнейшей карьере Симонова, который никогда не был оппонентом партийной политики, а даже наоборот, считался её адептом. Ему как кандидату в члены ЦК и авторитетному писателю Центральный комитет нередко поручал проводить партийную точку зрения в острых политических ситуациях, и нередко его роль была, если не неблаговидной, то сомнительной. Так было, например, в деле Бориса Пастернака, с оценкой романа «Доктор Живаго» и присуждением писателю Нобелевской премии. Отступничество от линии партии, проявленное на московском совещании, Хрущёв Симонову не простил. Сразу наказать его не решился, так как в обострившейся идеологической борьбе во время «оттепели» нуждался в его помощи, но в 1958 году писатель был освобождён от руководства журналом «Новый мир» и направлен в республики Средней Азии в качестве корреспондента «Правды», где прожил до 1960 года. Это была, по сути, ссылка. Однако Симонов и в дальнейшем проявлял смелость и независимость в оценке литературных явлений, всячески способствовал публикации запрещённых в своё время произведений. Так было с романом М. Булгакова «Мастер и Маргарита», рукопись которого случайно обнаружил литературовед А. Вулис и сообщил об этом Симонову. Благодаря авторитету Симонова роман был принят к печати в журнале «Москва» и опубликован в 1966-67 гг. с предисловиями Симонова и Вулиса. По его же ходатайству в 1973 году роман Булгакова вышел отдельной книгой. Важную роль сыграл Симонов и в публикации первых произведений А. Солженицына в журнале «Новый мир».